

Г.Л. Тульчинский

УДК 17;378

Прикладная этика и новые модели социума

Аннотация. Прикладная этика испытывает в наши дни мощный вызов, который связан с необходимостью преодолеть разобщенность и недоверие в современном обществе. В статье рассмотрены возможности гармонизации разнообразия этосов, ценностно-нормативных систем. Особое внимание уделено возможностям, связанным с современными цифровыми коммуникативными технологиями.

Ключевые слова: блокчейн, доверие, интернет, прикладная этика, социальные сети, социум.

Когда журнал «Ведомости прикладной этики» в последний раз обращался к ставшей традицией регулярной рефлексии результатов и перспектив прикладной этики, мне уже приходилось отмечать два представляющихся принципиально важными тренда [10].

Первый из них обусловлен нарастающей ценностно-нормативной дивергенцией современного социума. Этому процессу способствуют урбанизация и бурное развитие информационно-коммуникативных технологий. Интенсивный и разнообразный городской образ жизни порождает новые и новые субкультуры – не только этнические и конфессиональные, профессиональные и досуговые, но уже и потребительские. Каждая такая субкультура порождает и привносит в социум, позиционирует в нем свой этос, свои представления об успешности, достоинстве, справедливости, добре и зле, красоте, ценности личности, даже – человеческой жизни и т.п. Это порождает не только «цветущее разнообразие» социального опыта, но и разобщение, переходящее в недоверие, а то и в конфликтность таких сообществ [6, 13]. А электронные социальные сети создают для этого новые исключительные возможности [8, 9]. И эта тенденция, как свидетельствуют современные политические реалии и их динамика, свойственна не только российскому обществу.

Объяснение происходящего «вавилонского столпотворения» этосов ссылкой на пресловутый постмодернизм с его ценностным релятивизмом объяснением не является, потому как в этом случае на место причин ставится весьма обобщенно квалифицированное следствие. Более того, именно понимание множества причин и факторов, порождающих этот процесс (помимо урбанизации, виртуализации жизненного пространства, к ним можно отнести консьюмеризм,

кризис демократии), делает все более актуальной задачу не столько категоризации, придумывания названия происходящему, сколько коррекции ситуации, поиска и активации механизмов и процедур реализации доверия между носителями различных этосов. И такой поиск становится вторым трендом перспектив прикладной этики, которая все в большей степени сегодня является не только и не столько системой описания, фиксации развития различных нормативно-ценностных систем, сколько драйвером поиска и развития некоей «общеобщественной морали».

Поиски такой «суперморали» не могут сводиться к выявлению неких инвариантов, общих различных этосов. Собственно, искать их особенно и не нужно. Они очевидны. Всем этосам всех субкультур свойственны ангажированность общей деятельностью, ее продвижением, стремление к тому, чтобы внешний социум считался с нею («уважал»), ее признанию социумом, позиционированию ее, верность и преданность сторонникам, лидеру, нетерпимость к «изменщикам». В этом плане нет принципиальных различий между этосом научной школы, артели отходников, религиозной секты, фанатской группировки байкеров, даже криминальной группировки. Механизм порождения любого этоса, идентичности с ним, признания и внутреннего контроля – универсален. Проблема в их сосуществовании и интеграции в целостный социум.

Именно с поиском решения этой проблемы связаны нынешний постсекуляризм, политика исторической памяти. Но апелляции к конфессиональным предпосылкам деловой активности [7], формирования наций только придают проблеме агрегированный характер, поднимая ее на новый уровень, чреватый межконфессиональными и межкультурными конфликтами, войнами культур и цивилизаций в духе С.Хантингтона [14]. Теория и практика поиска решения на этом пути, в конечном счете, ориентированы на доминирование одного конкретного этоса, вытеснение и подавление других, высшим выражением чего является тоталитарный социум. Люди соглашаются с доминирующей точкой зрения, чтобы не оказаться в меньшинстве. Быть в большинстве для человека всегда было гораздо комфортнее (и безопаснее). И не важно, какой этос положен в основу – конфессиональный, классовый или этнический. Примеры СССР, нацистской Германии, Кампучии «красных кхмеров» – убедительные примеры только из новейшей истории.

В любой сфере деятельности (включая науку и образование [11]) и ее этосе существует «двойная мораль»: этос «для себя», «для внутреннего потребления», по отношению к «своим», позволяющий блюсти чистоту рядов, и – этос «в имидже», для внешнего потребле-

ния, адресованный другим, позиционирующий данную субкультуру в социуме. И если этос «для себя», по сути дела, у всех сообществ един, то поиск решения проблемы «вавилонского ценностно-нормативного столпотворения» должен быть перенесен именно на этос внешний, презентационный. Тогда суть поисков их конструктивного взаимодействия переносится на поиск некоего не столько инварианта, «общего знаменателя», сколько общих условий, рамок.

На первый взгляд, таким рамочным механизмом могла бы выступать система права, задающая рамки и правила взаимодействия носителей различных ценностно-нормативных систем. Собственно, право для этого и призвано. Однако любая система права, как система формальных институтов, коренится в системе нравственности конкретного социума, неформальных традиций, обычаев, привычек. В этом плане право всегда производно от конкретной конфигурации этосов в этом социуме.

Кроме того, говоря политологическим языком, в этом случае возрастная, конфессиональная, этническая, профессиональная, гендерная и прочие идентичности личности должны дополняться обобщающей их идентичностью гражданской. Такой подход имеет обширную литературу, программы реализации. Однако опыт не только Ирака, Сирии, Ливана, Югославии, СССР, но и Бельгии, Испании, Великобритании показывает, что – хотя времена этнических и классовых чисток, переселений народов, вроде бы прошли, тем не менее национальные буржуазии продолжают столбить свои бутики – национальное самоопределение продолжается, появляются новые и новые государства. Но, даже если эти государства уже от рождения оказываются «несостоятельными», ищут и находят влиятельного патрона, все равно этот процесс свидетельствует о глубинных процессах дивергенции.

Земной шар имеет конечную территорию, народы вынуждены жить рядом. Но как не может решаться проблема их конструктивного сосуществования на основе подавления и вытеснения, так не может она быть решена, как показал опыт последних лет, и на основе простого признания «мультикультурализма», с помощью просвещения, воспитания толерантности и т.п. В Европе уже раздаются голоса о том, что реальным способом разрешения и профилактики межэтнических конфликтов является «геттоизация», т.е. компактное проживание соответствующих сообществ. Ничем иным как признанием бессилия перед проблемой культурно-этической дивергенции, такое мнение расценить нельзя. За его воплощением однозначно просматриваются последствия закрепления разобщенности, конфликтов, распада, деморализации и аномии.

В такой ситуации политические институты, гражданское общество сталкиваются с новыми серьезными вызовами. Решение может быть связано с учетом не просто расширения практики делиберации в духе Ю.Хабермаса или Ш.Муфф, но учета особенностей различных этосов социума [1,2], связанных с ними типов власти [5] и их комбинаций, порождающих конкретные политические конфигурации, возможностей коммуникативного посредничества между ними [12]. На основе этих разработок, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация конкретного этоса возможны только на основе убедительной презентации представлений о справедливости критики, конфликта и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

В любом случае, тем не менее, на первый план выходит способность к конструктивному диалогу, взаимодействию – не только и не столько на государственном, сколько на межличностном уровне, что возвращает рассмотрение к началу – способам и технологиям социальной коммуникации в современном мире. И, как представляется, это открывает новые проблемные поля для прикладной этики.

В истории всегда было так, что старые проблемы снималось самым неожиданным и непредвиденным образом – за счет новых технологических достижений – прежде всего в средствах коммуникации. И в принципе, именно коммуникативные технологии меняли социальный мир. Достаточно напомнить роль письменности, печати, электронных медиа, а теперь интернета. Каждая из этих технологий радикально меняла восприятие и осмысление действительности, трансляцию новых смысловых структур.

Так и в наше время. Brexit в Соединенном Королевстве и победа на президентских выборах в США Д.Трампа – убедительные примеры нетривиальности политических технологий работы с Big Data, программами типа OCEAN. Речь идет о радикальном вытеснении маркетинговым подходом ориентаций на традиционные позитивистские социологические и политологические исследования.

Информационное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все на благо человека!», «Все во имя человека!», «Человек есть мера всех вещей!», позволяя не только реализовывать, но и стимулировать любые потребности. (См. Д.Агамбен о «новой животности».) Инструментом выступила именно маркетинговая с

кластеризацией рынков, аудитории, электората и таргетированием их до индивидуальной личности.

Формирование Big Data и работа с ними позволили строить различные профили таких кластеров и отвечать на их ожидания, следуя золотому правилу маркетинга, выработанному еще в 1930-е годы: «не рассказывайте им про свои семена – расскажите им про их газон». А применение таких технологий к социальным сетям способствует только все большей дивергенции и разобщенности. Наличие множества равновеликих правд ведет к серьезной поляризации, а там и к атомизации общества, поскольку все стараются не отступать от своей точки зрения, ни за что не желая вслушиваться в чужую аргументацию. Социум превращается в реализацию фильма «Матрица»: разрозненные коконы, воздействие на которые off line генерирует майю (видимый морок) политической жизни.

Тем самым снимается вопрос о доверии как основе консолидации социума. Открываются исключительные возможности для популизма в политике, когда каждый кластер получает свой месседж – ожидаемый и желанный ответ на свои чаяния и надежды. Собственно, это и демонстрируют текущие политические события в мире.

Переполненность сети фейковой информацией – ложной, мистифицирующей, но влияющей на эмоции людей, их решения и поступки – породила феномен «постправды» (post-truth), когда в формировании смысловой картины мира, даже выработки политических решений, достоверная информация, факты ставятся на один уровень с информацией непроверенной. Главное – манипулирование, nudge, подталкивание людей к определенным решениям и поступкам, манипулирование ими. С учетом возможностей и стремления некоторых режимов к полному контролю над интернетом и социальными сетями, парадигма Big Data неизбежно создает искушение реализации сюжетной идеи еще одного фильма – «Шоу Трумана» – для каждого гражданина и общества в целом.

На первый взгляд может открыть конструктивные позитивные перспективы доверия технология блокчейн (block chain) – по некоторым оценкам, следующая за интернетом революция в коммуникациях. Она представляет собой распределенную базу данных, содержащую информацию о всех транзакциях (более обобщенно – коммуникациях), проведенных участниками системы. Эта информация хранится у всех участников системы в виде «цепочки блоков», а пользователи выступают в качестве коллективного нотариуса, который подтверждает истинность информации в базе данных, что радикально меняет делопроизводство, банковское дело, а в ближайшей перспективе и политические практики.

Построение цепочки блокчейн происходит на базе распределенности, открытости и защиты. Пользователи системы формируют собой компьютерную сеть. При этом в каждом компьютере хранится копия каждого из блоков. Такой принцип делает систему почти неуязвимой – вывести ее из строя нереально. Единственный вариант – поломка всех компьютеров одновременно, что, учитывая общее количество разбросанных неравномерно вычислительных узлов (при этом географически не имеет значения, где находится пользователь и его компьютер, возможно – по всему миру), не представляется возможным.

Блокчейн распределяет функции проверки и хранения транзакций между несколькими компьютерами безопасным и открытым способом, исключая потребность в посредниках. В результате время и затраты на обработку транзакций практически сводятся к нулю. Поскольку доступ к реестру есть у всех пользователей блокчейна, постольку каждый из них выступает верификатором валидности информации в базе данных. Сложные соглашения, включая финансовые, могут записываться и контролироваться последовательно и точно без дублирования, ошибок и ненужных затрат. Поэтому первыми сферами распространения технологии стали финансовые операции, идентификация пользователей, оформление и проверка подлинности документов, операции с ценными бумагами, экспертизы, обеспечение интеллектуальной собственности, кибербезопасности, управление компаниями, краудфандинг. Кроме того, при использовании этой технологии повышается скорость обработки операций. В схеме этот процесс может занять до нескольких дней, а в случае с блокчейном транзакции проходят в режиме реального времени. Это способно сэкономить банкам миллиарды долларов за счет отказа от медленных и дорогостоящих централизованных систем платежей. Недаром с начала 2017 года уже свыше шестидесяти банков мира, включая пять крупнейших, перешли на единую криптовалюту для взаиморасчетов, что позволило высвободить серьезное количество рабочих мест.

На встрече с В.В.Путиным в январе 2016 года президент Сбербанка Г.Греф заявил, что блокчейн способен перевернуть сферы госрегулирования. Сбербанк подавал заявку на вхождение в международный пул, но по политическим соображениям ему и нескольким другим российским банкам было в этом отказано. Уполномоченный по защите прав предпринимателей при Президенте РФ, лидер Партии Роста, Б.Титов в ходе общения с журналистами в июле 2016 года отметил, что внедрение технологии блокчейн критически важно для развития экономики России, так как это технология будущего. И не-

обходимо максимально быстро создавать комфортные условия ее работы в правовом поле, официально признать криптовалюты объектом имущественных прав, а также обеспечить признание временных меток сети блокчейн в качестве доказательств российскими судами. Партия Роста также предлагает внести изменения в Закон об иностранных инвестициях, которые позволят использовать криптовалюту наравне с традиционными валютами для инвестиций в российскую экономику.

6 апреля публично стартовал один из самых масштабных экономических экспериментов в сфере цифровых финансов — «биткоин для бедных», — интегрированной с системой биоидентификации пользователя, с аудиторией 2 млрд человек и особым акцентом на Индии, электронным банкингом, системой исполнения контрактов на базе технологий блокчейн и возможностями мелких платных услуг в создаваемой сети, становящимися одновременно источником дохода пользователей — участников сети [3].

В сочетании с технологиями интернета вещей (IoT) блокчейн обеспечивает расширение (в труднопредставимых масштабах) самоисполняемых «смартконтрактов» в управлении межмашинных, межобъектных (без непосредственного человеческого участия) коммуникаций типа «умных» предприятий и городов [15]. Фактически речь идет о материализации идеи ноосферы (Вернадский, Тейяр де Шарден), в которой человек должен еще (или уже) найти свое место.

Блокчейн используют уже в самых разных сферах не только финансов и производстве, но и в социальной сфере: начиная от логистики, нотариальных услуг, регистраций браков и авторских прав, заканчивая реестрами подлинности драгоценных камней и предметов искусства. На основе блокчейн предлагают предоставлять юридические услуги мигрантам и шире — глобальное «электронное гражданство». В реальности каждый последующий пользователь сети только укрепляет Blockchain, делает его стойким к повреждениям. Чем шире круг участников блокчейна, тем наилучшим образом раскрывается потенциал этой технологии. Поэтому она объективно имеет мощный тренд к расширению и втягиванию участников сети доверия.

Важен и тот факт, что пользователи существуют в мире равноправия. В системе нет контролирующих структур, модераторов или администраторов. Здесь каждый отвечает за свои поступки. В политическом плане перспектива развития этой технологии порождает парадоксальный синтез прямой демократии, реализация которой носит тотальный характер. Доверие и ответственность реализуются в

электронной сети, а нарушение принятых обязательств чревато исключением из этой сети – не только отраслевой, проектной, а экономической, правовой, в конечном счете – цивилизационной. Блокчейн – основа мощного движения децентрализованных автономных организаций [16]. Принципиально то, что блокчейн основан на технологической реализации доверия, наводящего мосты, радиус которого не ограничен. Не случайно реакция на блокчейн со стороны политических, правовых и финансовых структур напоминает панику: меняется система занятости и собственности, меняются представления о суверенитете, а значит грядет и смена элит. На первый план выходят странные люди вроде Д.Ассанжа, Э.Сноудена, В.Бутина. В среде политологов начинаются разговоры о «революции сисадминов», проблематичность осмысления которой связана с квалификацией мотивации таких людей, которые ставят своей жизненной целью обеспечение всеобщей открытости и доступности информации.

Вместе с тем сам по себе блокчейн – не может быть панацеей расширения ответственности и доверия. Это просто сеть акторов, которые нуждаются в верификации важной для них информации, вокруг которой сеть и создается. Это финансовые, экспертные структуры, патентные бюро, какие-то режимные организации и т.п. Наверное, второй волной подтянутся научные и образовательные сети. Возможно, криминал. В общем, все те сети, где остро стоит вопрос об идентификации и верификации информации, ее источника, обязательств. Где надо фиксировать «базар» и за него отвечать перед городом и миром... А расширение и «сшивание» таких сетей открывает неожиданную двойную перспективу – некоего общества тотального доверия, относительно которого сомневаешься: какая характеристика является ключевой. Доверие на общей технологической платформе коммуникации? Тотальность с ее «вынужденным доверием»?

Нетривиально важно, что в приложениях блокчейна, позволяющих создавать автоматически исполняемые смартконтракты, нет дискриминации против роботов или людей: любой аккаунт может заключать контракты. Иначе говоря, теоретически (и практически) допускается, что цепочки компаний могут быть ширмами не только для людей, но и для искусственных интеллектов. И этому «лицу» вовсе необязательно быть совершенным искусственным интеллектом, достаточно некоего функционала, чтобы вступать во взаимно ответственные отношения в определенной сфере деятельности.

Вменяемым субъектом может стать некое множество индивидов, групп людей, искусственных интеллектов, сетевых аккаунтов, которых нельзя отнести к какой-либо категории, за исключением факта их совместного существования. Такое множество подразумевает

новый тип общественных отношений в производстве, экономике, политике, основанный на знании (информации) и коммуникации [4].

Не меньшим вызовом являются масштаб и глубина проникновения дополненной реальности. В принципе, таким дополнением непосредственно индивидуальному опыту всегда были искусство, религия. Собственно, именно на этой основе и обеспечиваются воспитание, образование, профессиональная подготовка. Однако в наше время, компьютерные игры, голография, 3D-принтеры, привязка виртуальных объектов непосредственно к физическим хронотопам (вроде технологии Pokemon Go) серьезно потеснили долю традиционного физического опыта в образе жизни и работы.

В современном образе жизни векторы технологического развития усиливают и без того существующий процесс социально-культурного опыта – вплоть до воплощения фантазий, мифопоэтических образов – реализуется на качественно новом уровне. И дело не только в возможности отправки фотографий и видео со смартфонов, непосредственно подключаясь к потоку образов и ощущений других людей, в том числе – за счет носимых сенсоров и устройств, интенсивного использования геолокации и картографических сервисов.

Технологии IoT (интернета вещей), способность вещей «говорить» (RFID-метки, коды), «чувствовать» (сенсоры) и «мыслить» (проникающий компьютеринг) формируют условия для анимистской, даже архаической картины мира. Гаджет предстает как «магический кристалл», а то и «волшебная палочка», действие которой не известно – достаточно только нажимать на опции. Новый уровень удаленной связности, возможности коммуникации объектов на расстоянии, «псевдонекаузальные» (просто «по желанию») алгоритмы взаимодействия с виртуальной средой в интернете вещей способствует появлению современных аналогов практически всех видов «магии» – гомеопатической и контагиозной. По большому счету, речь идет о возможностях воплощения метафор и оксюморонов. В интернете вещей метафоры объективируются, соединяя фрагменты реальности потоками данных и программными интерфейсами. А сама среда наделяется разумом: умный (smart) дом, смарт-производство, смарт-город и т.д. Окружающий мир становится распределенным интеллектом (ambient intelligence). Такое «сплавление» физического и виртуального миров в новых типах гибридных реальностей актуализирует особенности восприятия (персонификация объективного, онтологизация субъективного), характерные для мифопоэтического и мифологического мышления. Инструментальная доступность обращения цифрового и символического в материальное, и наоборот, способствует расцвету новой «технометафоричности» мира [17].

Подобные трансформации опыта, производственных технологий, социально-культурных практик, ставят в повестку дня вопрос о какой-то новой нравственной культуре некоего гибридного социума, в котором люди интегрированы с машинами в одну систему ответственных отношений.

Так или иначе, но фактически человечество сталкивается с мощным вызовом цивилизации по всем направлениям: от политики и науки до искусства и нравственности. Речь идет именно о новой смысловой наполненности прикладной этики.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛО, 2013.
3. Бутрин Д. Биткоин для бедных. Запускается новая криптовалюта для тех, кто не имеет доступа к банкам // <https://www.kommersant.ru/doc/3261975> (Дата обращения 20.04.2017).
4. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
5. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
6. Кристи Н. Плотность населения. СПб.: Алетейя, 2015.
7. Культура имеет значение / Под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: МШПИ, 2002.
8. Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2, с.233-242.
9. Мурсалиева Г., Асмолов Г. Люди постоянно вовлечены в конфликт... Социальные сети отравлены ненавистью и страхом... // Новая газета. 2016, № 36: <http://www.novayagazeta.ru/society/72547.html> (Дата обращения 19.08.2016).
10. Тульчинский Г.Л. Маркетизация и моральный выбор: специализация и интеграция парадигм прикладной этики // Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып.45 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. С.85-107.
11. Тульчинский Г.Л. Честный профессор и/или сервильный этос // «Успешный профессор» VS «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып.49 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 57-65.

12. *Тульчинский Г.Л.* Мегаполис: плотность населения, проблема доверия и блокчейн // Экономическая культура мегаполиса. Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук. СПб ГУ, 2017. С.131-145.

13. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka press, 2014.

14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

15. *Чеклецов В.В.* Философские и социоантропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1 (11). 2016.

16. *Atzori M.* Blockchain Technology and Decentralized Governance: Is the State Still Necessary? Abstract. December, 2015, The Italian version of this paper can be found at <http://ssrn.com/abstract=2731132>

17. *Sunstein C.R.* The World According to Star Wars. New York: Dey Street Books, 2016.